

Оспаривание международных договоров в Суде Евразийского экономического союза: теоретический анализ

Д. Г. Колос

Для цитирования: Колос Д. Г. Оспаривание международных договоров в Суде Евразийского экономического союза: теоретический анализ // Правоведение. 2019. Т. 63, № 3. С. 412–428. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.304>

В статье проводится теоретический анализ положений права Евразийского экономического союза (ЕАЭС) об оспаривании в Суде ЕАЭС международных договоров в рамках Союза. В регламентации данной категории дел автор выделяет противоречивые аспекты, обусловленные в совокупности правовой природой актов, подвергаемых судебной проверке, предметом спора и его субъектным составом. Аргументируется, что и при реализации Союзом международной договорной правосубъектности может возникнуть целый ряд вопросов, требующих правовой оценки, в том числе о правомерности объекта и цели заключаемого международного соглашения, действительности волеизъявления интеграционного объединения, соблюдении порядка заключения. Дается критическая оценка отсутствия у Суда ЕАЭС компетенции по осуществлению судебного контроля международных договоров, заключаемых Союзом с третьими государствами, их интеграционными объединениями и международными организациями. Посредством обращения к практике Суда Европейского союза демонстрируется значимость судебного контроля в отношении компетенционных и содержательных вопросов реализации договорной правосубъектности интеграционного объединения. Выдвигается и обосновывается предложение о преобразовании компетенции Суда ЕАЭС по разрешению споров о соответствии международных договоров в рамках Союза Договору о ЕАЭС в компетенцию по осуществлению факультативной предварительной проверки международных договоров в рамках Союза и международных договоров Союза с третьей стороной на предмет их соответствия Договору о ЕАЭС. Право обращения в Суд ЕАЭС с заявлением о такой проверке международных договоров предлагается предоставить государствам-членам и органам Союза, участвующим в процессе их заключения. Реализация данных предложений будет способствовать повышению стабильности евразийского правового порядка, совершенствованию системы судебного контроля за договорным регулированием и обеспечению правомерности договорной правосубъектности Союза.

Ключевые слова: международное правосудие, интеграционный суд, Суд Евразийского экономического союза, компетенция Суда Евразийского экономического союза, международный договор.

Введение. Постановка вопроса

Наряду с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014¹ (далее — Договор о ЕАЭС), на основании которого учрежден Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС, Союз), в право Союза входят международные договоры в рамках ЕАЭС, а также международные договоры Союза с третьей стороной.

Договор о ЕАЭС имеет значение системообразующего акта правовой системы ЕАЭС, место которого в системе источников права Союза в полной мере соответ-

Колос Денис Георгиевич — канд. юрид. наук, судья, Суд Евразийского экономического союза, Республика Беларусь, 220006, Минск, ул. Кирова, 5; kolos@courteurasian.org

¹ Здесь и далее международные и российские акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.09.2019).

ствуется общетеоретическим представлениям о характере и природе учредительных актов международных организаций² и практическим целям их принятия. Закономерно он обладает высшей юридической силой.

С учетом преемственности правовой регламентации от Евразийского экономического сообщества (далее — ЕврАзЭС), направленной на «эффективное продвижение процесса формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства» (ст. 2 Договора об учреждении ЕврАзЭС, подписанного в Астане 10.10.2000), в ЕАЭС воспринято «многодоговорное» регулирование интеграционных процессов. Изначально, помимо Договора об учреждении ЕврАзЭС, отношения между государствами регламентировались целым пакетом международных договоров. В него входили Соглашение о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 06.01.1995, Соглашение о Таможенном союзе от 20.01.1995, Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29.03.1996, Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26.02.1999. Впоследствии пакет был дополнен актами, направленными на завершение формирования Таможенного союза: Договором о создании Единой таможенной территории и формировании Таможенного союза от 06.10.2007, Протоколом о порядке вступления в силу международных договоров, направленных на формирование договорно-правовой базы Таможенного союза, выхода из них и присоединения к ним, от 06.10.2007 и др. Большое количество международных договоров, регулирующих правоотношения в рамках интеграционного объединения, затрудняло ориентацию в правовом массиве. Осложнялась ситуация и тем, что договоры были заключены государствами в разном составе, в разное время, предусматривали взаимосвязанные цели, охватывали смежные вопросы, содержали отсылочные нормы.

В настоящее время система договорного регулирования в ЕАЭС упорядочена. Статья 2 Договора о ЕАЭС определяет, что международные договоры в рамках Союза — это международные договоры, заключаемые между государствами-членами по вопросам, связанным с функционированием и развитием Союза. Из нормативного определения следует, что данный вид источников права Союза характеризуется двумя признаками в совокупности: 1) субъектами, заключающими договор, выступают государства — члены ЕАЭС; 2) предмет регулирования договоров непосредственно связан с функционированием и развитием Союза. С учетом статуса Договора о ЕАЭС как системообразующего акта следует исходить из того, что предмет регулирования международных договоров в рамках Союза не должен выходить за пределы, установленные Договором о ЕАЭС, и изменять его положения, а должен быть направлен на их развитие.

Как представляется, сохранение в Союзе традиции многодоговорного регулирования предопределено не только стремлением «сохранить “свободу рук” государствам-членам для отнесения тех или иных вопросов к первоочередным или второстепенным»³ и не перегружать учредительный договор, но и осторожностью в поступательном движении к интеграции, а также невозможностью при заключении договора, носящего глобальный и во многом компромиссный характер, достичь согласия относительно конкретизации по менее значимым вопросам.

Примеры международных договоров в рамках Союза — Договор о Таможенном кодексе ЕАЭС от 11.04.2017, принятый в целях обеспечения единого та-

² См. об этом: *Марченко М. Н., Дерябина Е. М.* Правовая система Европейского союза: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 238.

³ *Капустин А. Я.* Право Евразийского экономического союза: международно-правовой курс // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 67.

моженного регулирования в Союзе, о котором государства-члены договорились в ст. 25 Договора о ЕАЭС, и Соглашение о международных договорах Союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями от 14.05.2018, принятое для реализации договорной правосубъектности Союза в силу прямого указания п. 1 ст. 7 Договора о ЕАЭС. В названных актах (ст. 6 Договора о Таможенном кодексе ЕАЭС и ст. 21 Соглашения о международных договорах ЕАЭС с третьими государствами) акцентируется внимание на том, что они являются международными договорами, заключенными в рамках Союза, и входят в право Союза.

Международные договоры в рамках ЕАЭС занимают особое место в системе источников права Союза, поскольку только они фигурируют в ст. 1 Договора о ЕАЭС в качестве источников, определяющих функционирование Союза, наряду с учредительным договором. При этом в силу п. 3 ст. 6 Договора о ЕАЭС в случае возникновения противоречий между международными договорами в рамках Союза и Договором о ЕАЭС приоритет имеет последний.

На основании подп. 1 п. 39 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося Приложением № 2 к Договору о ЕАЭС (далее — Статут Суда ЕАЭС), споры о соответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору о ЕАЭС рассматривает Суд Евразийского экономического союза (далее — Суд ЕАЭС). На практике такие споры пока не возникали.

В праве Союза существует еще один вид источников, имеющих договорный характер, — международные договоры Союза с третьей стороной. Они заключаются ЕАЭС с третьими государствами, их интеграционными объединениями и международными организациями. Специфика этих международных договоров заключается в том, что стороной договора выступает международная организация, которая, в отличие от государств, является «вторичным субъектом международного права»⁴ и обладает производной правосубъектностью. В силу п. 2 ст. 6 Договора о ЕАЭС международные договоры Союза с третьей стороной не должны противоречить основным целям, принципам и правилам функционирования Союза.

Статут Суда ЕАЭС прямо не предоставляет судебному органу полномочия по проверке международных договоров Союза с третьей стороной на предмет их соответствия основным целям, принципам и правилам функционирования Союза. В силу п. 40 Статута Суда ЕАЭС государства-члены могут отнести к компетенции Суда ЕАЭС споры, разрешение которых предусмотрено международными договорами Союза с третьей стороной, однако до настоящего времени такие споры в компетенцию Суда ЕАЭС государствами-членами не включались.

Проведение теоретического анализа действующих подходов к осуществлению судебного контроля международных договоров, входящих в право Союза, представляет интерес в свете обсуждения направлений его совершенствования с целью повышения стабильности евразийского правопорядка и обеспечения правомерности договорной правосубъектности Союза.

Объект судебного контроля

Из нормы подп. 1 п. 39 Статута Суда ЕАЭС, согласно которой суд рассматривает споры по заявлению государства-члена о соответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору о ЕАЭС, следует, что предметная компетенция судебного органа (*ratione materiae*) в данной кате-

⁴ Капустин А. Я. Право международных организаций: перспективы развития в XXI веке // Будущее международного права: сб. ст. / под ред. К. А. Бекашева. М.: Проспект, 2016. С. 147.

гории дел весьма узкая. Проверка со стороны суда направлена на установление соответствия международных договоров в рамках Союза Договору о ЕАЭС.

В силу прямого предписания ст. 99 Договора о ЕАЭС международные договоры государств-членов, заключенные в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства, действующие на дату вступления в силу Договора о ЕАЭС, входят в право Союза в качестве международных договоров в рамках Союза и применяются в части, не противоречащей Договору. На этом основании их проверка также включена в компетенцию Суда ЕАЭС по осуществлению нормоконтроля в соответствии с подп. 1 п. 39 Статута Суда ЕАЭС.

Анализируя объект судебного нормоконтроля, следует отметить, что формулировка статутной нормы позволяет оспаривать как акт (международный договор в рамках Союза), так и его норму (отдельные положения договора).

С точки зрения юридической техники дополнительное указание на «отдельные положения» международных договоров в рамках Союза видится излишним утяжелением, поскольку любой источник права выступает формой выражения тех или иных положений, включенных в него. Таким образом, указание на международный договор в рамках Союза в целом полагаем достаточным для включения в предметную компетенцию Суда ЕАЭС спора о соответствии любого из его положений Договору о ЕАЭС.

Право ЕАЭС не устанавливает момент, с которого международный договор может подвергаться судебной проверке на основании подп. 1 п. 39 Статута Суда ЕАЭС с позиции стадийности его заключения и вступления в силу. Если исходить из буквального толкования статутной нормы, то не вызывает сомнений включение в предмет оспаривания именно международных договоров в рамках Союза, имеющих статус источника права Союза, т. е. вступивших в силу соглашений. При этом очевидно, что специфика заключения международных договоров, последствия их вступления в силу и отсутствие гибких механизмов внесения изменений в действующие договоры определяют интерес в проведении предварительного судебного контроля еще до их вступления в силу и возникновения обязательств у их участников.

Использование в статутной норме термина «международный договор» указывает на то, что объектом нормоконтроля не может выступать проект международного договора, поскольку в силу ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров от 23.05.1969 (далее — Венская конвенция 1969 г.) термин «договор» означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом. При этом разд. 1 ч. II Венской конвенции 1969 г., посвященный заключению международных договоров, не содержит указания на момент, с которого международный договор считается заключенным.

В доктрине международного права не наблюдается единообразия в подходах к определению понятия «заключение договора». В самом широком доктринальном понимании заключение договора охватывает весь процесс его подготовки и принятия, а также вступление в силу⁵. В узком смысле заключение договора включает только стадии, имеющие юридическое значение, т. е. принятие и вступление в силу⁶.

⁵ См. подробнее: *Тункин Г. И.* Теория международного права. М.: Зерцало-М, 2009. С. 74.

⁶ См. об этом: *Лукашук И. И.* Современное право международных договоров: в 2 т. Т. 1: Заключение международных договоров. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 363.

В законодательстве государств — членов ЕАЭС также нет единства подходов к вопросу о трактовке заключения договора. В Республике Беларусь воспринят достаточно широкий подход, согласно которому заключение международного договора — это последовательность стадий (юридических действий) по формированию содержания международного договора, принятию его текста и выражению согласия Республики Беларусь на обязательность для нее международного договора (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 23.06.2008 № 421-З «О международных договорах Республики Беларусь»⁷). Сходное определение заключения международного договора закреплено в ст. 2 Закона Кыргызской Республики от 24.04.2014 № 64 «О международных договорах Кыргызской Республики»⁸. В Республике Армения под заключением международного договора понимается процесс внутригосударственного согласования, взаимного согласования и заключения проекта международного договора (подп. 5 ст. 2 Закона Республики Армения от 29.03.2018 № НО-213-Н «О международных договорах Республики Армения»⁹). В ст. 2 российского Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» отражено более узкое понимание, согласно которому «заключение» означает выражение согласия Российской Федерации на обязательность для нее международного договора. Аналогичное определение содержится в подп. 14 ст. 1 Закона Республики Казахстан от 30.05.2005 № 54-III «О международных договорах Республики Казахстан»¹⁰.

Как справедливо отмечает Г. И. Тункин, юридическая сущность заключения международных договоров состоит в «согласовании воль государств, результатом которого является соглашение, воплощающееся в нормах договора»¹¹. Момент, позволяющий констатировать завершенность согласования государствами — членами ЕАЭС их воль и наличие соглашения, воплощенного в нормах международного договора в рамках Союза, логично определять на основании права Союза.

Порядок подготовки проектов международных договоров, заключаемых в рамках Союза, и их оформление осуществляются в соответствии с положениями Договора о Союзе, Регламента работы Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК, Комиссия), утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23.12.2014 № 98, с учетом требований Венской конвенции 1969 г., Руководства по международным договорам, подготовленного Договорной секцией Управления по правовым вопросам ООН, Правил внутреннего документооборота в Евразийской экономической комиссии, утв. Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 05.05.2015 № 46 (далее — Правила документооборота в ЕЭК) и сложившейся международной договорной практики.

Не останавливаясь на подробном анализе всех стадий формирования текста международных договоров в рамках Союза и их принятия, акцентируем внимание на том, что изменения в тексте проекта международного договора, не оговоренные государствами-членами, не допускаются, начиная со стадии подготовки к подписанию проекта международного договора, в отношении которого государствами-членами проведены внутригосударственные процедуры. Подписание международного договора осуществляется либо на протокольной встрече лиц, уполномоченных

⁷ Информационно-правовая система «ЭТАЛОН-ONLINE». URL: <https://etalonline.by> (дата обращения: 30.09.2019).

⁸ Информационно-правовой портал «Токтом». URL: <https://online.toktom.kg> (дата обращения: 30.09.2019).

⁹ Правовая информационная система «ARLIS». URL: <https://www.arlis.am> (дата обращения: 30.09.2019).

¹⁰ Информационная система «Параграф». URL: <https://prg.kz> (дата обращения: 30.09.2019).

¹¹ Тункин Г. И. Теория международного права. С. 110.

на подписание международного договора, либо в рабочем порядке. В соответствии с п. 166 Правил документооборота в ЕЭК датой совершения международного договора, подписанного в рабочем порядке, считается дата депонирования последней ноты с сообщением о подписании международного договора.

Представляется, что дата подписания международного договора на протокольной встрече либо дата депонирования последней ноты с сообщением о подписании международного договора при подписании в рабочем порядке опосредуют момент, когда воли государств — членов ЕАЭС являются согласованными и имеется зафиксированный результат такого согласования в форме международного договора в рамках Союза.

Статья 18 Венской конвенции 1969 г. придает стадии подписания международного договора специфическое значение. Она обязывает государство воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, если оно подписало договор или обменялось документами, образующими договор, под условием ратификации, принятия или утверждения до тех пор, пока оно не выразит ясно своего намерения не стать участником этого договора, или, если оно выразило согласие на обязательность для него договора, — до вступления договора в силу и при условии, что такое вступление в силу не будет чрезмерно задерживаться.

Возложение на государство, которое акцептовало договор, пусть еще и не в обязывающей форме, обязательства не действовать в противоречие объекту этого договора подтверждает признание и «защиту законных ожиданий контрагентов, участвующих в заключении договора»¹².

В контексте рассматриваемой проблематики подписание всеми государствами-членами международного договора свидетельствует о совершении ими соглашения. Предусмотренная формальная процедура обеспечивает фиксацию его содержания и подтверждение факта волеизъявления.

Проведенный анализ позволяет заключить, что судебный контроль международного договора в рамках Союза (его положений) может инициироваться правомочными субъектами после окончания формальной процедуры подписания договора всеми государствами-членами.

Стороны спора

В силу прямого указания подп. 1 п. 39 Статута Суда ЕАЭС *locus standi* по делам о проверке норм международных договоров в рамках Союза обладают только государства — члены ЕАЭС. Вопрос о том, кто является ответчиком, нормативно не разрешен.

Если исходить из того, что сторонами международных договоров в рамках Союза выступают государства-члены, то следует констатировать, что не имеется препятствий для предъявления иска к одному или нескольким государствам, заключившим соответствующий международный договор.

В процесс заключения международных договоров в рамках Союза в различной степени вовлечены также органы интеграционного объединения.

Высший совет «служит платформой для заключения договора»¹³ при проведении протокольной встречи, когда на его заседаниях международные договоры

¹² Dörr O., Schmalenbach K. Vienna Convention on the Law of Treaties. A Commentary. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2012. Vol. 1. P. 220.

¹³ Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность // Международное правосудие. 2017. № 3. С. 77.

подписываются главами государств. Указанная роль не позволяет привлечь орган ЕАЭС в качестве ответчика.

Евразийская экономическая комиссия «сопровождает» заключение международных договоров в рамках Союза практически на всех стадиях. Во-первых, департаменты ЕЭК могут осуществлять разработку проектов международных договоров. Во-вторых, Комиссия обеспечивает проведение таких организационных мер, как визирование, правовая экспертиза и правовое редактирование, согласование с заинтересованными департаментами, направление для проведения внутрисударственных процедур, необходимых для подписания международного договора, организация подписания международного договора в рабочем порядке и депозитарное хранение (п. 152–169 Правил внутреннего документооборота в ЕЭК, утв. Решением Коллегии ЕЭК от 05.05.2015 № 46 «О Правилах внутреннего документооборота в Евразийской экономической комиссии»¹⁴). В-третьих, проект международного договора, доработанный по результатам внутрисударственного согласования, повторной правовой экспертизы и правового редактирования, выносится на рассмотрение Совета ЕЭК для одобрения. На практике одобрение Советом ЕЭК проекта международного договора оформляется распоряжением.

Примерами таких распоряжений выступают Распоряжения Совета ЕЭК: от 14.09.2018 № 26 «О проекте Соглашения о проведении совместных контрольных мероприятий по вопросам соблюдения порядка зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств — членов Евразийского экономического союза», от 29.03.2019 от № 14 «О проекте Соглашения о порядке и условиях устранения технических барьеров во взаимной торговле с третьими странами»¹⁵. Содержательно в распоряжениях Совета ЕЭК о проекте международных договоров в рамках Союза, как правило, закрепляются два момента: 1) фиксируется факт одобрения Комиссией проекта соответствующего международного акта; 2) в просительной форме устанавливаются сроки для информирования Комиссии государствами-членами о выполнении внутрисударственных процедур, необходимых для подписания соответствующего договора. Приведенное в качестве примера Распоряжение от 29.03.2019 № 14 содержит также рекомендацию принять меры по приведению международных договоров в сфере технического регулирования в соответствие с Договором о ЕАЭС и заключаемым соглашением.

Одобрение со стороны Комиссии текста международного договора в рамках Союза путем принятия акта организационно-распорядительного характера о проекте международного договора опосредует один из обязательных этапов заключения международного договора. Он осуществляется до направления текста такого договора с целью проведения внутрисударственных процедур, необходимых для его подписания.

По нашему мнению, принятие Комиссией распоряжения об одобрении проекта международного договора на стадии его заключения не дает оснований привлечь ЕЭК в качестве ответчика по делам о нормоконтроле международных договоров в рамках Союза. В случае сомнений в соответствии одобренного распоряжением Комиссии проекта международного договора Договору о ЕАЭС существует возможность обращения с заявлением в Суд ЕАЭС о признании действия Комиссии, выразившегося в принятии распоряжения, не соответствующим Договору о Союзе.

¹⁴ Правовой портал ЕАЭС. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/> (дата обращения: 30.09.2019).

¹⁵ Там же.

В то же время активная роль ЕЭК в процессе заключения международных договоров в рамках Союза позволяет ей выявлять вопросы, требующие правовой оценки со стороны Суда ЕАЭС. При наличии соответствующих полномочий она могла бы инициировать их своевременное рассмотрение Судом ЕАЭС.

Таким образом, статутная модель судебной проверки международных договоров в рамках Союза предполагает рассмотрение Судом ЕАЭС спора между государствами-членами.

Эстоппель

Возникновение спора между государствами, являющимися сторонами международного договора, о его соответствии Договору о ЕАЭС после заключения видится маловероятным в силу применения механизмов согласования и переговоров на стадиях разработки текста договора до его подписания.

Если такой спор все же возникнет, то следует иметь в виду, что оспаривание государством международного договора в связи с его несоответствием Договору о ЕАЭС попадает в сферу применения ст. 45 Венской конвенции 1969 г., которая регламентирует утрату государством права ссылаться на основание недействительности или прекращения договора, выхода из него или приостановления его действия на основе ст. 46–50 или ст. 60 и 62 Конвенции. Основная цель указанной нормы заключается в том, чтобы не дать государству воспользоваться преимуществами его собственного непоследовательного поведения и обеспечить стабильность международно-правового регулирования¹⁶.

В ходе судебного разбирательства по данной категории споров может возникнуть вопрос о применении процессуального института эстоппеля. Юридическое значение эстоппеля в спорах с участием государств передается формулой «государство, которое посредством своего активного или пассивного поведения придерживалось позиции, явно противоположной тому субъективному праву, которое оно отстаивает в суде, не может более востребовать это право»¹⁷, или «государство теряет право отрицать то, что до этого им было признано или принято»¹⁸.

Хрестоматийным примером, демонстрирующим использование принципа эстоппеля, выступает рассмотренный Международным судом ООН (далее — МС ООН) в 1962 г. спор между Камбоджей и Таиландом о принадлежности храма Преах Вихеар (Preah Vihear) и прилегающей территории¹⁹. Для МС ООН решающее значение при оценке доказательств сторон имели не аргументы Таиланда (в то время Сиам) о недействительности карты в ходе судебного разбирательства, а фактические действия представителей власти в предшествующий период. МС ООН посчитал непоследовательными действия Таиланда по оспариванию карты на фоне отсутствия возражений со стороны властей Сиам против установления границы ни сразу же, ни спустя некоторое время после получения ими карты, а также против размещения государственного флага Франции рядом с храмом во время его посещения с официальным визитом министром внутренних дел Сиам. МС ООН исходил из того, что «линия прохождения границы может считаться кон-

¹⁶ См. об этом: *Dörr O., Schmalenbach K.* Vienna Convention on the Law of Treaties. Vol. 2. P. 765–766.

¹⁷ *Каламкарян Р. А.* Эстоппель как институт международного права // Юрист-международник. 2004. № 1. С. 11.

¹⁸ *Международное право: учебник / отв. ред. С. А. Егоров.* М.: Статут, 2016. С. 264.

¹⁹ *Case concerning the Temple of Preah Vihear. Cambodia v. Thailand.*: Judgment of International Court of Justice of 15 June 1962 // International Court of Justice. URL: <https://cutt.ly/OtWjQYw> (дата обращения: 30.09.2019).

ключенно признанной в результате отсутствия возражений против деятельности другого государства на данной территории в течение длительного времени»²⁰, и определил, что храм Преах Вихеар расположен на территории, находящейся под суверенитетом Камбоджи.

В практике международных судов формируются сходные вариации толкования и применения принципа эстоппеля. Суд МЕРКОСУР трактует эстоппель как обязательство государства придерживаться определенного курса поведения, имеющего правовые последствия для другого государства, изменение которого причиняет вред последнему, рассчитывавшему на сохранение курса²¹.

Суд Европейского союза (далее — Суд ЕС) обращается к принципу эстоппеля при обосновании вертикального прямого действия директив в случае, когда государство — член ЕС несвоевременно или не в полной мере имплементирует их нормы. Позиция Суда ЕС заключается в том, что государство не может на основании своего неправомерного действия — несоблюдения обязательства по трансформации директивы — получить преимущества перед частными лицами²².

Спор между государствами — членами ЕАЭС о соответствии международного договора в рамках Союза Договору о ЕАЭС, на наш взгляд, при определенных обстоятельствах также может повлечь обращение Суда ЕАЭС к принципу эстоппеля. Во-первых, проведение внутригосударственных процедур и подписание государством-членом договора — это явное выражение позиции по вопросу легитимности международного договора в рамках Союза, что предполагает в том числе его соответствие Договору о ЕАЭС. Во-вторых, указанная позиция известна контрагенту и закономерно воспринимается им как признание международного договора соответствующим Договору о ЕАЭС. В-третьих, последующее изменение позиции государства-члена и оспаривание международного договора в Суде ЕАЭС характеризуется непоследовательностью по отношению к первоначальной позиции.

Опираясь на принцип эстоппеля, Суд ЕАЭС теоретически может прийти к выводу, что государство не вправе оспаривать соответствие международного договора Договору о ЕАЭС. В практике Суда ЕАЭС пока не выработана позиция об основаниях и условиях обращения к принципу эстоппеля. С учетом того, что правило эстоппеля базируется на принципах добросовестности и защиты законных ожиданий контрагента, признанных в качестве принципов международного права, представляется, что препятствий для его применения Судом ЕАЭС нет. Только практика Суда ЕАЭС позволит выяснить, будет ли (и если да, то в каком качестве, при каких условиях и в отношении каких именно действий участников спора) в рамках правопорядка Союза применяться этот принцип.

Цель судебного контроля

Правовым основанием осуществления Судом ЕАЭС контроля международных договоров выступает норма подп. 1 п. 39 Статута Суда ЕАЭС, согласно которой суд рассматривает споры по заявлению государства-члена о соответствии междуна-

²⁰ Рачков И. В. Решения Международного суда по делу о храме Преах Вихеар // Международное правосудие. 2015. № 4 (16). С. 29.

²¹ См. об этом: *Guevara J. M. Equity in MERCOSUR: The use of estoppel in a customs union created for and by countries of the civil systems of law* // *Law and business review of the Americas*. 2014. Vol. 20, no. 2. P. 319.

²² Case 152/84. *Marshall v. Health Authority*: Judgment of the Court of 26 February 1986. Par. 49 // *The Court of Justice of the European Union*. URL: <https://cutt.ly/FtWkIpS> (дата обращения: 30.09.2019); Case 91/92. *Paola Faccini Dori v. Recreb Srl.*: Judgment of the Court of 14 July 1994. Par. 22 // *The Court of Justice of the European Union*. URL: <https://cutt.ly/5tWkUxw> (дата обращения: 30.09.2019).

родного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору о ЕАЭС. Ни Статут Суда ЕАЭС, ни Регламент Суда ЕАЭС, утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23.12.2014 № 101, не закрепляют критерии, на основании которых устанавливается соответствие между международным договором в рамках Союза и Договором о ЕАЭС, что позволило бы выявить цель судебной проверки. Как отмечает А. Тюрк, говоря о судебном нормоконтроле в Европейском союзе, его «необходимость в качестве средства поддержания баланса между ЕС и его странами участницами в спорах, связанных с существованием и применением полномочий ЕС, не ставится под сомнение»²³. Соответственно, при рассмотрении исков о недействительности (об аннулировании) актов вторичного права на основании ст. 263 Договора о функционировании Европейского союза (далее — ДФЕС) Суд ЕС в первую очередь подвергает контролю вопросы компетенции ЕС и его органов, принявших соответствующий акт.

Аналогичным образом в ЕАЭС не ставится под сомнение цель нормоконтроля в отношении актов, принимаемых Комиссией, поскольку он обеспечивает проверку соблюдения полномочий по реализации властной компетенции регулирующим органом интеграционного объединения.

Международные договоры в рамках Союза заключаются государствами-членами как субъектами, обладающими высшей суверенной властью, на основании принципов свободного согласия и добросовестности; несмотря на «подчиненное» значение в рамках правовой системы ЕАЭС, эти акты не утрачивают своих существенных характеристик, предопределяемых их правовой природой. Как и Договор о ЕАЭС, они регламентируются не только нормами права Союза, но и правом международных договоров, включая нормы Венской конвенции 1969 г., что принципиально отличает их от актов, принимаемых органами Союза.

При осуществлении судебного контроля за соответствием международных договоров в рамках Союза учредительному договору у судебного органа не возникает необходимости проверять компетенционные вопросы, поскольку государства — члены ЕАЭС, заключающие такие договоры, обладают полной договорной правоспособностью.

Последствия признания международного договора в рамках Союза не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе

В силу п. 104 Статута Суда ЕАЭС по результатам рассмотрения спора Большая коллегия Суда выносит одно из следующих решений: 1) о несоответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору; 2) о соответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору.

Статут Суда ЕАЭС не детализирует правовые последствия принятия решения о несоответствии международного договора в рамках Союза (его отдельных положений) Договору о ЕАЭС. В соответствии с п. 102 Статута Суда ЕАЭС решение Суда не изменяет и/или не отменяет действующих норм права Союза и не создает новых. Данная норма не позволяет придать решению Суда ЕАЭС о несоответствии международного договора в рамках Союза Договору о ЕАЭС значение акта негативного правотворчества и определить в качестве его правовых последствий отмену или изменение действующих норм права Союза.

²³ *Türk A. H. Judicial Review in EU Law. Cheltenham (UK); Northampton (MA, USA): Edward Elgar, 2009. P. 8.*

Вместе с тем согласно п. 99 Статута Суда ЕАЭС вынесенное решение обязательно для исполнения сторонами спора. В период существования ЕврАзЭС Суд ЕврАзЭС, рассуждая о правовых последствиях признания акта международной организации не соответствующим учредительному договору и опираясь на принцип *acta sunt servanda*, указал, что сам факт заключения государствами международных договоров об учреждении интеграционного образования и принятия за основу общепризнанных принципов и норм международного права, международных актов, определяющих компетенцию судебного органа регионального интеграционного объединения, означает, что государства «обязаны обеспечивать учет правовых позиций Суда, отраженных в его решениях»²⁴. Приведенный подход, безусловно, остается актуальным и в контексте исполнения государствами-членами решений Суда ЕАЭС о признании международного договора в рамках Союза (его отдельных положений) не соответствующим Договору о ЕАЭС.

Правовая природа и субъектный состав оспариваемого акта поднимают дополнительный вопрос о порядке исполнения решения судебного органа. В зависимости от статуса международного договора и выводов Суда могут обсуждаться варианты неприменения международного договора в рамках Союза (или его отдельных положений) до момента устранения несоответствий либо внесения изменений в международный договор в рамках Союза или в Договор о Союзе.

С учетом того, что государства являются такими «носителями публичной власти, над которыми нет никакой другой публичной власти, кроме них самих, а отношения между ними суть отношения между властями, правила поведения, обязанности и права для них вырабатывают они сами путем соглашения»²⁵, в любом случае «перед государствами-членами в соответствии с принципом добросовестного сотрудничества встанет задача внесения изменений в международный договор в рамках Союза или в Договор о Союзе»²⁶.

В данном контексте очевидны преимущества предварительного судебного нормоконтроля международных договоров в рамках Союза, что исключает риски для стабильности правовой системы ЕАЭС в целом и договорного регулирования в частности.

Проблемы заключения международных договоров Союза с третьей стороной

Международные договоры Союза с третьей стороной, заключаемые с третьими государствами, их интеграционными объединениями и международными организациями, хотя и являются составляющей права Союза, однако не могут подвергаться нормоконтролю в силу принципа наделения полномочиями на основании подп. 1 п. 39 Статута Суда ЕАЭС. Вместе с тем специфика международных договоров с третьей стороной предопределяет актуальность судебной проверки, поскольку, как справедливо отмечает А. Н. Талалаев, «международная договорная правоспособность международных организаций существенно отличается от дого-

²⁴ Постановление Суда ЕврАзЭС от 08.04.2013 о разъяснении Решения Суда ЕврАзЭС от 05.09.2012, которым п. 1 Решения Комиссии Таможенного союза от 17.08.2010 № 335 был признан не соответствующим международным договорам, действующим в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства // Бюллетень Суда Евразийского экономического сообщества. Специальный выпуск. 2012–2014. С. 78.

²⁵ Международное право: учебник / отв. ред. С. А. Егоров. С. 248–249.

²⁶ Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Компетенция Суда Евразийского экономического союза. С. 78.

ворной правоспособности государств»²⁷. Несуверенная воля международных организаций как вторичных субъектов международного права имеет ограниченный, специальный характер, «волеизъявление международной организации должно строго соответствовать компетенции, установленной государствами в правилах организации, прежде всего в ее уставе»²⁸.

Международная договорная правосубъектность ЕАЭС прямо установлена в ст. 7 Договора о ЕАЭС. Союз вправе заключать международные договоры по вопросам, отнесенным к его компетенции. Так, в силу п. 3 ст. 33 Договора о ЕАЭС посредством заключения международных договоров с третьей стороной Союз реализует внешнеторговую политику в сферах, в которых органы Союза принимают обязательные для государств-членов решения.

Союз может заключать международные договоры с третьей стороной как самостоятельно, так и совместно с государствами-членами. В настоящее время Союз не имеет самостоятельно заключенных договоров с третьей стороной. В то же время Союзом совместно с государствами — членами ЕАЭС заключен целый ряд международных соглашений в сфере экономического сотрудничества. Примерами таких договоров выступают Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны (Бурабай, 29.05.2015), Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Китайской Народной Республикой (Астана, 17.05.2018) и Исламской Республикой Иран (Астана, 17.05.2018)²⁹.

При реализации международной договорной правоспособности Союза может возникнуть целый ряд вопросов, требующих правовой оценки. Помимо фундаментальной основы правомерности заключения международного соглашения с другими субъектами публичного права, выражающейся в договорной правоспособности, речь может идти о правомерности объекта и цели заключаемого международного соглашения, действительности волеизъявления Союза, соблюдении установленного порядка заключения международных договоров, стороной которых выступает ЕАЭС³⁰. Оптимальным вариантом разрешения такого рода вопросов представляется именно судебный контроль.

Практика Суда ЕС демонстрирует, что в ходе деятельности ЕС неоднократно возникали сложные вопросы, связанные с заключением ЕС соглашений с другими субъектами международного права, требовавшие правовой оценки Суда ЕС.

Так, именно Суд ЕС впервые разрешил вопрос об объеме международной договорной правоспособности Европейских Сообществ. При рассмотрении спора между Европейской комиссией и Советом ЕС по делу «European Agreement on Road Transport»³¹ Суд ЕС применил концепцию подразумеваемых полномочий в отношении «внешней компетенции» ЕС, основываясь на наличии у Сообщества

²⁷ Талалаев А. Н. Право международных договоров: в 2 т. Т. 2: Действие и применение договоров. Договоры с участием международных организаций / отв. ред. Л. Н. Шестаков. М. Зерцало-М, 2017. С. 294.

²⁸ Шибаева Е. А., Поточный М. Правовые вопросы структуры и деятельности международных организаций: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 46.

²⁹ Соглашения доступны на Правовом портале ЕАЭС. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/> (дата обращения: 30.09.2019).

³⁰ Порядок заключения международных договоров, стороной которых выступает ЕАЭС, определен в решении Высшего Евразийского экономического совета от 23.12.2014 № 98 «О Регламенте работы Евразийской экономической комиссии» (его применение ограничено датой вступления в силу Соглашения от 14.05.2018 о международных договорах ЕАЭС с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями).

³¹ Case 22/70. Judgment of the Court of 31.03.1971 Judgment of the Court of 31 March 1971. Commission of the European Communities v Council of the European Communities. European Agreement

соответствующей внутренней компетенции. Позиция, сформулированная Судом ЕС, впоследствии была закреплена в норме п. 2 ст. 3 ДФЕС, согласно которой ЕС располагает исключительной компетенцией по заключению международных соглашений, когда такое заключение предусмотрено в законодательных актах ЕС и когда оно необходимо для обеспечения реализации внутренней компетенции ЕС.

В порядке осуществления предварительного контроля на основании п. 11 ст. 218 ДФЕС Суд ЕС неоднократно рассматривал вопрос о наличии у ЕС правоспособности на заключение конкретных международных договоров. Например, в Заключении Суда ЕС от 15.11.1994 № 1/94³² речь шла о полномочиях Сообщества на заключение Соглашения об учреждении ВТО, Генерального соглашения по торговле услугами и Соглашения по торговым аспектам охраны объектов интеллектуальной собственности, в Заключении Суда ЕС от 28.03.1996 № 2/94³³ — о возможности присоединения Сообщества к Европейской конвенции по правам человека, в Заключении Суда ЕС от 06.12.2001 № 2/00³⁴ — об установлении правового основания для заключения Картахенского протокола по биобезопасности и, как следствие, определении порядка заключения международного соглашения.

В Заключении от 30.04.2019 № 1/17³⁵ Суд ЕС дал оценку положениям Комплексного соглашения об экономическом и торговом сотрудничестве (Comprehensive Economic and Trade Agreement) между Канадой, с одной стороны, и ЕС и его государствами-членами, с другой стороны, от 30.10.2016 на предмет их соответствия праву ЕС. Суд ЕС пришел к выводу, что механизм разрешения инвестиционных споров между инвесторами и договаривающимися государствами, предусмотренный ст. 8.18–8.45 Соглашения, соответствует первичному праву ЕС.

Право ЕС содержит специальное указание на осуществление контроля Судом ЕС до заключения международного договора. В норме, регламентирующей полномочия Суда ЕС давать заключение о соответствии учредительным договорам ЕС международных соглашений (п. 11 ст. 218 ДФЕС), фигурирует термин «предполагаемое» (envisaged) соглашение. Как следствие, объектом проверки со стороны судебного органа выступает проект международного соглашения. Например, в Заключении от 08.03.2011 № 1/09³⁶ Суд ЕС установил несоответствие праву Союза проекта соглашения о создании единой системы патентных судов (The draft agreement on the European and Community Patents Court), который планировалось заключать между государствами — членами ЕС, ЕС и третьими странами.

Как отмечается в научной литературе, мнение Суда ЕС о правомерности международного договора актуально именно до его заключения, поскольку «этим предотвращается возникновение у ЕС международных обязательств, противоречащих праву ЕС»³⁷.

Приведенные примеры из практики Суда ЕС дополнительно обосновывают тезис о том, что отсутствие у Суда ЕАЭС полномочий по осуществлению судеб-

on Road Transport // InfoCuria Case-law of the Court of Justice. URL: <https://cutt.ly/JtWk3up> (дата обращения: 30.09.2019).

³² Opinion of the Court 1/94 of 15 November 1994 // InfoCuria Case-law of the Court of Justice. URL: <https://cutt.ly/YfWlqos> (дата обращения: 30.09.2019).

³³ Opinion of the Court 2/94 of 28 March 1996 // InfoCuria. Case-law of the Court of Justice. URL: <https://cutt.ly/OtWlylp> (дата обращения: 30.09.2019).

³⁴ Opinion of the Court 2/00 of 6 December 2001 // InfoCuria. Case-law of the Court of Justice. URL: <https://cutt.ly/5tWlpol> (дата обращения: 30.09.2019).

³⁵ Opinion of the Court (Full Court) 1/17 of 30 April 2019 // InfoCuria. Case-law of the Court of Justice. URL: <https://cutt.ly/otWlgiD> (дата обращения: 30.09.2019).

³⁶ Opinion of the Court (Full Court) 1/09 of 8 March 2011 // InfoCuria. Case-law of the Court of Justice. URL: <https://cutt.ly/btWlKv1> (дата обращения: 30.09.2019).

³⁷ *Streinz R. Europarecht. (Schwerpunktbereich). 10 Aufl. Heidelberg: C. F. Muller, 2016. S. 501.*

ного контроля компетенционных и содержательных вопросов заключения Союзом международных договоров с третьей стороной следует классифицировать как недостаток, требующий восполнения. При этом следовало бы учесть и самостоятельное договорное нормотворчество Союза при сотрудничестве с государствами — членами Союза (Соглашение между ЕАЭС и Республикой Беларусь об условиях пребывания Суда ЕАЭС на территории Республики Беларусь от 29.04.2016).

Иные международные договоры между государствами-членами

В предметную компетенцию Суда ЕАЭС по оспариванию международных договоров в рамках Союза не входят «иные международные договоры между государствами-членами», которые в силу п. 1 ст. 114 Договора о ЕАЭС могут заключаться при условии, что они не противоречат целям и принципам Договора о Союзе.

Такие соглашения хоть и заключаются между государствами-членами, но имеют предмет регулирования, непосредственно не связанный с функционированием и развитием Союза, что исключает их из разряда международных договоров в рамках Союза и по общему правилу из компетенции Суда ЕАЭС по нормоконтролю.

В праве ЕАЭС предусмотрен особый механизм отнесения к компетенции судебного органа интеграционного объединения споров, основанных на международных договорах, не входящих в коммунитарный правопорядок. В силу п. 40 Статута Суда ЕАЭС государства-члены могут отнести к компетенции Суда ЕАЭС споры, разрешение которых предусмотрено иными международными договорами между государствами-членами. Условие о передаче споров на рассмотрение Суда ЕАЭС, включенное в международный договор между государствами-членами, не входящий в право Союза, носит характер арбитражного соглашения и в совокупности с п. 40 Статута Суда ЕАЭС является основанием для передачи спора на рассмотрение Суда. Кроме того, содержание такого соглашения будет выступать основой для определения пределов предметной компетенции судебного органа.

Представляется, что в соглашении о разрешении разногласий между сторонами международного договора в Суде ЕАЭС речь, скорее, может пойти не о правомерности его заключения, а о спорах, связанных с толкованием и исполнением такого международного договора.

Если предметом разногласий между государствами — членами ЕАЭС будет вопрос о соответствии международного договора, не входящего в право Союза, целям и принципам Договора о ЕАЭС, то, независимо от наличия в международном договоре соглашения о передаче спора на рассмотрение в Суд ЕАЭС, любое заинтересованное государство-член вправе обратиться в Суд с заявлением о несоблюдении соответствующим государством — членом (государствами — членами) Договора о ЕАЭС, в частности обязательства из п. 1 ст. 114 Договора о Союзе.

Самостоятельную группу среди иных международных договоров, не входящих в право Союза, составляют двусторонние международные договоры между государствами — членами ЕАЭС, предусматривающие более глубокий, по сравнению с положениями Договора о ЕАЭС или международных договоров в рамках Союза, уровень интеграции или предоставляющие дополнительные преимущества в пользу их физических и/или юридических лиц (далее — двусторонние договоры об углубленной интеграции). Такие международные договоры применяются только в отношениях между заключившими их государствами.

В силу п. 2 ст. 114 Договора о ЕАЭС двусторонние договоры об углубленной интеграции могут заключаться лишь при условии, что они не затрагивают осу-

ществование сторонами договора и иными государствами — членами ЕАЭС их прав и выполнение обязательств по Договору о ЕАЭС и международным договорам в рамках Союза.

Примером двустороннего договора об углубленной интеграции выступает Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства», которым предусматриваются институт союзного гражданства, единая денежно-кредитная, валютная, налоговая и ценовая политика, объединенные транспортная и энергетическая системы и другие сферы углубленного сотрудничества. Указанный международный Договор, заключенный между двумя государствами — членами ЕАЭС, хотя и опосредует интеграционные процессы, однако не относится к договорам, связанным с функционированием и развитием ЕАЭС, а следовательно, разрешение вытекающих из него споров в отсутствие специальной договоренности между государствами — членами Союза не входит в компетенцию Суда ЕАЭС.

По аналогии со сделанным ранее выводом о возможном механизме разрешения споров, касающихся иных международных договоров, в случае если предмет разногласий состоит в несоблюдении условия, закрепленного в п. 2 ст. 114 Договора о Союзе (а именно требования о том, чтобы двусторонний договор об углубленной интеграции не затрагивал осуществление его сторонами и другими государствами — членами ЕАЭС своих прав и выполнение обязательств по Договору о ЕАЭС и международным договорам в рамках Союза), любое заинтересованное государство-член может обратиться в Суд ЕАЭС с заявлением о несоблюдении Договора о ЕАЭС, независимо от наличия в международном договоре соглашения о передаче споров на рассмотрение в Суд ЕАЭС.

Выводы и предложения

Проведенный теоретический анализ компетенции Суда ЕАЭС по рассмотрению споров о соответствии международных договоров в рамках Союза Договору о ЕАЭС выявил ряд противоречивых аспектов, предопределяемых в совокупности правовой природой актов, подвергаемых судебному контролю, субъектным составом спора и видом судопроизводства. Пробелом правового регулирования следует признать отсутствие судебного контроля за реализацией договорной правоспособности Союза, поскольку в данной сфере могут возникнуть вопросы, требующие правовой оценки, в том числе о правомерности объекта и цели заключаемого международного соглашения, действительности волеизъявления интеграционного объединения, соблюдении порядка заключения.

Совокупность обозначенных недостатков и пробелов — это основание для предложения о преобразовании компетенции Суда ЕАЭС по разрешению споров о соответствии международных договоров в рамках Союза Договору о ЕАЭС в полномочия по осуществлению факультативной предварительной проверки международных договоров в рамках Союза и международных договоров с третьей стороной на предмет их соответствия Договору о ЕАЭС. Право обращения в Суд ЕАЭС с соответствующим заявлением целесообразно предоставить не только государствам-членам, но и органам Союза, участвующим в процессе заключения соответствующего международного договора. Реализация данных предложений будет способствовать повышению стабильности евразийского правопорядка, совершенствованию системы судебного контроля за договорным регулированием и обеспечению правомерности договорной правосубъектности Союза.

Статья поступила в редакцию: 17 октября 2019 г.
Рекомендована в печать: 30 мая 2020 г.

Challenging international treaties before the Court of the Eurasian Economic Union: Theoretical analysis

Denis G. Kolos

For citation: Kolos, Denis G. 2019. Challenging international treaties before the Court of the Eurasian Economic Union: Theoretical analysis. *Pravovedenie* 63 (3): 412–428. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.304> (In Russian)

The article provides a theoretical analysis of the provisions of the law of the Eurasian Economic Union (EAEU) applicable to challenging international treaties concluded within the framework of the Union before the Court of the EAEU. The author identifies certain contradictory aspects in the law governing this category of cases that are due to the cumulative legal nature of the acts submitted for judicial review, the subject of the dispute and its disputants (parties). It is argued that the Union's exercise of its international legal capacity to conclude treaties may give rise to several questions that require legal assessment, including whether the object and purpose of an international treaty are lawful, the expression of will by the Union is valid, and whether the observance of the conclusion procedure is complied with. In this regard, the author critically assesses the lack of competence of the EAEU Court to review international treaties made by the Union with third states, their integration associations, and international organizations. By referring to the case-law of the Court of Justice of the European Union, the author demonstrates that judicial control plays a significant role in assessing questions of competence and substance with respect to the exercise of legal capacity to conclude treaties by an integration association. The author puts forward and substantiates the proposal to reform the existing competence of the Court of the EAEU to settle disputes on the conformity of international treaties within the Union to the EAEU Treaty and replace it with the competence to carry out an optional preliminary review of international treaties within the Union and international treaties with third parties to assess their compliance with the EAEU Treaty. It is suggested that member states and bodies of the EAEU, that are engaged in concluding a treaty, should have the right to address the Court of the EAEU with a request to conduct a review. If implemented, the proposal will expand the scope of judicial control beyond international treaties within the Union to also include international treaties with third parties. This will positively impact the stability of the Eurasian legal order.

Keywords: international justice, integration court, Eurasian Economic Union, the Court of the Eurasian Economic Union, competence of the Court of the Eurasian Economic Union, international treaty.

References

- D'iachenko, Ekaterina B., Entin, Kirill V. 2017. Competence of the Eurasian Economic Union Court: myths and realities. *Mezhdunarodnoe pravosudie* 3: 76–95. (In Russian)
- Dörr, Oliver, Schmalenbach, Kirsten. 2012. *Vienna Convention on the Law of Treaties. A Commentary*, vols 1–2. Berlin; Heidelberg, Springer-Verlag.
- Egorov, Sergei A. (ed.) 2016. *International law*: textbook. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Guevara, Jessica M. 2014. Equity in MERCOSUR: The use of estoppel in a customs union created for and by countries of the civil systems of law. *Law and business review of the Americas* 20 (2): 303–322.
- Kalamkarian, Ruben A. 2004. Estoppel as an institution of international law. *Iurist-mezhdunarodnik* 1: 10–22. (In Russian)
- Kapustin, Anatolii Ia. 2015. Law of the Eurasian Economic Union: international legal discourse. *Journal of Russian Law* 11: 59–69. (In Russian)
- Kapustin, Anatolii Ia. 2016. The law of international organizations: prospects for development in the 21st century. *Budushchee mezhdunarodnogo prava: sb. st.*, ed. by K. A. Bekiashev: 139–149. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Lukashuk, Igor¹ I. 2004. *Contemporary international treaty law*: in 2 vols. Vol. 1: *Conclusion of international agreements*. Moscow, Wolters Kluwer Publ. (In Russian)

- Marchenko, Mikhail N., Deriabina, Ekaterina M. 2015. *Legal System of the European Union*. Moscow, Norma: INFRA-M Publ. (In Russian)
- Rachkov, Il'ia V. 2015. Judgment of the International Court of Justice in the Temple of Preah Vihear. *Mezhdunarodnoe pravosudie* 4 (16): 24–34. (In Russian)
- Shibaeva, Elena A., Potochnyi, Miroslav. 1980. *Legal issues of structure and activities of international organizations*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ. (In Russian)
- Streinz, Rudolf. 2016. *Europarecht (Schwerpunktbereich)*. 10 Aufl. Heidelberg, C. F. Muller
- Talalaev, Anatolii N. 2017. *International treaty law*, vols 1–2, ed. by L. N. Shestakov. Moscow, Zertsalo-M Publ. (In Russian)
- Tunkin, Grigorii I. 2009. *Theory of International Law*. Moscow, Zertsalo-M Publ. (In Russian)
- Türk, Alexander H. 2009. *Judicial Review in EU Law*. Cheltenham (UK); Northampton (MA, USA); Edward Elgar.

Received: October 17, 2019

Accepted: May 30, 2020

Denis G. Kolos — PhD in Law, Judge, Court of the Eurasian Economic Union, 5, ul. Kirova, Minsk, 220006, Republic of Belarus; kolos@courteurasian.org